

Ярмарка в Голтве. Максим Горький gorkiymaxim.ru  
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке  
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Ярмарка в Голтве. Максим Горький

Местечко Голтва стоит на высокой площади, выдвинувшейся в луга, как мыс в море. С трех сторон обрезанная капризным течением Псла, эта ровная площадь открывает широкие горизонты на север, запад и восток, и в южной части ее столпились в живописную группу белые хатки Голтвы, утопающие в зелени тополей, слив и черешен. Из-за хат вздымаются в небо пять глав деревянной церкви, простенькой и тоже белой. Золотые кресты отражают снопы солнечных лучей и, теряя в блеске солнца свои формы, – похожи на факелы, горящие ярким пламенем.

На восток раскинулась равнина обработанных полей – вплоть до горизонта пестреют квадраты, желтые и темные; среди них там и тут стоят пышные, зеленые левады, белые хатки прячутся в садах, дороги вьются меж хлебов, как змеи, стада вдали на выгонах – как игрушечные. На западе площадь крутым обрывом опускается к быстро текущему Пслу; его вода блестит на солнце серебром, на берегах стоят вербы и осоки; за Пслом опять поля до горизонта и опять на них куски яркой зелени, полосы созревшего хлеба и белые пятна хуторов. Хутора, в рамках из тополей и верб, – всюду, куда ни взглянешь... Густо засеяна людьми благодатная земля Украины!

Над громадным пространством, тесно заставленным возами, тысячеголосый говор стоит в воздухе, знойном и пыльном. Всюду толкуются, спорят и "регочуть" "чо-ловіки", горохом рассыпаются бойкие речи "жінок". Десять хохлов в минуту выпускают из себя столько слов, сколько в то же время наговорят трое евреев, а трое евреев скажут в ту же минуту не более одного цыгана. Если сравнивать, то хохла следует применить к пушке, еврея к скорострельному ружью, а цыган – это митральеза. Черные лица, черные волосы и белые хищные зубы цыган так и мелькают в толпе; их характерная, гортанная речь трещит в ушах, – за ней не успеваешь следить. Их проворные движения и жесты красивы, но заставляют опасаться, быстрые темные глаза с синеватыми белками сверкают хитростью и нахальством. Ловкие, гибкие, они являются ласковыми лисицами басен и скалят зубы, как голодные волки. Четверо из них осаждают какого-то "чоловіа", уже сбитого с толку и растерявшегося под градом убедительных речей, осыпающих его немудрую голову. Он стоит среди них, усердно чешет затылок и тяжело соображает. У него на поводу молоденькая лошаденка. Ее осаждают оводы с таким же усердием и жаром, как ее хозяина – цыгане. Вокруг этой группы толпа, внимательно следящая за ходом сделки.

– Подождіть!.. – говорит хохол.

– Не хочу! – восклицает цыган. – Что мне ждатель: хиба ж я с того, что подожду, гроши зароблю? Я тебе говорю прямо, как перед богом: моя лошадь такая, что и сам полтавский губернатор на ней поехал бы куда хочешь – хоть в Петербург! Вот на – какая моя лошадь! А что твоя? Только тем она на мою и похожа, что у нее тоже четыре ноги и хвост! А какой у нее хвост? Это стыд, дядько, стыд, а не хвост...

Цыган ожесточенно дергает лошадь за хвост, щупает ее всюду и руками и глазами и всё говорит, говорит. Его товарищи пренебрежительно советуют ему:

– Э, брось! Что тебе хочется в убыток меняться? Вот дурной!.. Брось...

– В убыток? Ну, и буду меняться в убыток! Разве ж я моему коню и карману не хозяин? Мне человек нравится, и я хочу человеку доброе сделать! Дядько! Молитесь господу!..

Хохол снимает шапку, и они оба истово крестятся на церковь.

– Ну, господи благослови! – восклицает цыган. – Берите ж моего коня и помните мое доброе сердце... Берите его и давайте мне пять карбованцев придачи... Вот и всё!.. Кончено!.. Давайте руки...

Хохол из всей силы бьет ладонью по ладони цыгана и говорит:

– Два дам!

- Э! Четыре с половиной!

- Два!

Цыган так шлепнул по руке хохла, что тот потряс ею в воздухе и потом внимательно осмотрел свою ладонь, как бы удостовераясь - цела ли?

- Четыре ровно!

- Два! - упорно стоит на своем хохол.

- Ну, - утомленно говорит цыган, - идите ж теперь к вашей жінке и расскажите ей, какой вы дурень...

- Два! - говорит хохол.

- Вот что, - молитесь богу!

Снова молятся и снова бьют руки друг друга.

- Ну, берите же на свое счастье, мне в убыток: не хочу я с вас, добрый человек, лишних грошей брать, коли нет их у вас в кармане... Даете три с полтиной?

- Ни, - качает головой хохол, оглядывая лошадь цыгана, понурую и шершавую.

- Три с четвертью?

- Ни...

- Чтоб ваша жінка сказала вам сто раз "ни", когда вы у нее борща попросите! Даете три гладких карбованца? И то не даете? Так берите ж за вашу цену... Э, пропали мои гроши и конь хороший!

Лошадей передают из полы в полу, и хохол уходит, ведя на поводу выменянную крупную рыжую кобылу, равнодушно переступающую разбитыми ногами. Морда у нее печальная, и уныло смотрят ее тусклые глаза на толпу людей.

Скоро хохол возвращается назад. Он идет торопливо, так что лошадь едва поспевает за ним; лицо у него сконфуженное и растерянное. Цыгане смотрят навстречу ему спокойно и разговаривают о чем-то на своем странном языке.

- Це діло не законне, - покачивая головой, говорит хохол, подходя к ним.

- Какое дело? - осведомляется один из цыган.

- А це... Як же вы мені...

- А что мы тобі?..

- Підждіть!.. Як же...

- А як же?

- Да підждіть же!

- А чего ждатель? Когда кобыла родит? Да ты ж, дядько, еще и не венчался с ней!

В толпе хохот. Бедняга хохол апеллирует к ней.

- Добрые люди - ратуйте! Воны мені беззубу ко-няку на місто моеи зубатой наміняли!

Толпа не любит неловких так же, как и слабых. Она становится на сторону цыган...

- А де ж у тебе очи булы? - спрашивает хохла сивый старик.

- Не май з цыганами д!ла! - поучительно заявляет другой.

Ярмарка в Голтве. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Обманутый рассказывает, что он смотрел зубы у коня, но на верхние не обратил внимания, а из них три оказываются сломанными. Должно быть, коня когда-то сильно ударили по морде и сломали ему три зуба. Куда он годится такой? Он есть не может, – вон у него какой вздутый живот. Человека два-три из толпы начинают защищать хохла. Возникает гвалт, и громче всех кричит, не уставая, цыган...

– Э, добрый чоловік! чого ж ты затівав таку за-воруху? Хиба ты не знаешь, як треба конів купувати? Коні в купувати – як жінку вибирати, все одно, таке ж важне діло... Слухай, я тобі скажу одну казку... Як були на світі три братика, двоє розумні, а третій дурень – ось як ты або ж я...

Товарищи цыгана тоже орут во всю глотку, оправдывая его; хохлы лениво ругаются в ответ; толпа становится всё гуще и теснее...

– Що ж мені зостається, добрі люди? – горестно вопрошает обиженный.

– Ходы до урядника! – кричат ему.

– А и пойдю! – решает он.

– Стой, чоловіче! – останавливает его цыган. – Разорить меня хочешь? Разорь! Давай мне три карбованца – я твою лошадь назад виддам! Желаеть? Давай два! Желаеть? Ну, иди и жалуйся...

Хохлу не особенно приятно "тягать к ділу" урядника, и он задумывается. Со всех сторон ему дают советы, но он остается глух и нем, решая что-то про себя. Наконец решил...

– Ну, от що, – уныло говорит он цыгану, – нехай бог тебя судит... Отдай мені моего коня, а два карбо-ванци, що ты в придачу узял, – твои... Триста трясців тобі у боки – грабь!

И цыган ограбил его с таким видом, точно великую милость ему оказал.

– Догадливі люди! – похваливали "чоловіки" цыган, отходя от них.

– Деготь московский, атличный, фабричный, аккуратный, аппаратный, пахучий, тягучий! Шесть копеек кварта, пятнадцать четверть! – возглашает черниговец, восседающий на телеге. Телега, бочка и сам торговец – всё это черно и жирно от дегтя и всё двигается одной сплошной массой, распространяя вокруг себя характерный аромат.

– А, мабуть, и по пять за кварту продадите? – справляется у дегтярника "чоловік" в необычайно широких штанах и в соломенной шляпе на голове.

– Тпру-у! По пять не могу, хозяину на шесть копеек присягал...

– А, мабуть, можно по пять?

– Никак...

– Эге.. Зовам не можно?

– Слушай, дядько, продам тебе по пять, не говори только никому... Не скажешь?

– Ни, не скажу...

– Ну, давай баклажку.

– На що?

– А на деготь!

– Та мені того вашого дегтя не треба, бо я вже купив... И теж по шість кошек и теж у вас... Я спросив вас за тим, що, мабуть, вы теперь дешевле виддаете цей деготь.

Дегтярник молча отвертывается, трогает лошадь и едет между возов, возглашая о

Ярмарка в Голтве. Максим Горький gorkiyamaxim.ru  
своим товаре... "Чоло-вік" провожает его взглядом и говорит другому,  
раскинувшемуся на возу:

- Коли б я не куповал кварта дегтя утром, была бы в мене котика лишня у кишені...

- Эге ж... жарко!

- Як у пекли...

- Хиба ж твой батько писав тобі з пекла, як там жарко? - спрашивают с воза.

Томящий зной всё усиливается. Запах дегтя, навоза и пота висит в воздухе вместе с тонкой пеленой едкой пыли. Всюду у возов стоят и лежат волы, жуют, не уставая, сено и смотрят в землю большими добрыми глазами. Кажется, что они думают: у них такие осмысленные морды и в глазах светится спокойная, привычная печаль. Мычат коровы и телята, блеют овцы, раздаётся звон кос, пробуемых покупателями. "Чоловіки", приехавшие продавать скот или руно, лежат под возами, скрываясь от солнца и ожидая покупателей. "Чоло-віки" покупающие расхаживают между возами, высматривая скот и шагая через ноги продавцов, разбросанные на земле. У каждого покупателя в руке кнут, и, подходя к волам, покупатель считает нужным вытянуть смиренную скотину по боку кнутом. Волы медленно поднимаются на ноги, если они лежали, и тяжело двигаются от удара, если стояли на ногах.

- Скільки за цю пару просите? - спрашивает покупатель пространство...

Из-под воза раздаётся неторопливый ответ:

- Девяносто рублів...

- И то гроши! - говорит покупатель и отходит или спрашивает:

- А чего ж бы вам, дядько, цілу сотнягу не просить?

- Та вже мені більш того, скільки треба, - не треба грошей. А коли вы вже такий добрый, то давайте и усю сотню - я візьму...

- Спасибо вам... А скільки ж бы ділом узяли?

- Та вже так, щоб не довго балакать, возьму я с вас... девяносто рублів...

Начинается торг. "Чоловіки" не торопятся, - это совсем не в их характере, - и продавец вылезает из-под воза не ранее того, как убедится, что покупатель серьёзный. Понемногу горячатся и вот уже бьют друг друга по рукам, молятся по десяти раз и более, расходятся, снова сходятся. Всё делается медленно, но основательно, вдумчиво. Ядреной и крутой ругани великоруссов, от которой дух в груди спирает и глаза на лоб лезут, не слышно, - её заменяет меткий юмор, щедро украшающий речи. Не слышно и великорусского "тыканья". Сивый дід, у которого безусый хлопец торгует пару молоденьких бычков, так, например, отчитывает покупателя:

- Здається мені, что вы, хлопча, раненько маткину цицьку на люльку зміняли, бо разума у річах ваших не бачу я...

- Та як же, діду! Вони и некрасиви - ось роги якие...

- А хиба ж вы рогами пахати будете? Так купуйте ж собі козлів: у них рога красивейши...

Сыны Израиля вертятся меж возов, как вьюны. Они обо всем спрашивают, всё щупают и всё покупают. "Чоло-віки" говорят им "ты" и смотрят за ними во все глаза. Паны встречаются с "чоловіками" с чувством собственного достоинства, и в разговоре с паном у хохла сквозь внешнюю почтительность пробивается не одна нотка пренебрежения. Видно, что пан давно уже определен как "ненужна козявка у пчелином рои".

У одного из возов корова, привязанная к нему, вдруг зашаталась и в корчах повалилась на землю. "Жшка", продававшая ее, соскочила с воза и закрутилась

Ярмарка в Голтве. Максим Горький gorkiymaxim.ru  
вокруг больного животного, как в вихре. Испуг, граничащий с ужасом, выразился на лице бедной женщины, сразу лишившейся надежды продать свою скотину.

– Ой, господи! Ой, добри люде! Ратуйте – що во-но таке? Що воно? Ой, мати пречистая!

Сразу выросла толпа и принялась горячо обсуждать несчастье. Делали предположения, отчего именно заболела корова и как всего лучше лечить ее. Явился какой-то древний старик, весь, точно плесенью, покрытый лохмотьями, и начал отчитывать корову, творя шепотом молитву. Толпа поснимала шапки и молча ждала результатов моления, изредка крестясь. А корова билась на земле в судорогах, пыталась встать и снова грузно падала. Она тяжело вздыхала, и много боли было в ее кротких глазах. Потом ее хозяин, сняв с головы шапку, стал ею растирать хребет животного, трижды обвел шапкой вокруг рогов, трижды вокруг шеи и столько же вокруг хвоста. И это не помогло. Принесли бутылку дегтя и вылили в глотку животного, потом угостили его скипидаром, наконец явился коновал, угрюмый мужик, с разнообразными инструментами у пояса. Он важно осмотрел корову и пробил ей каким-то ржавым гвоздем вену на шее. Тонкими струйками хлынула густая, черная кровь. Какой-то моралист нашелся в толпе. Он посмотрел на корову и ее хозяина, убитого горем, и сказал:

– От це вам, дядько, божие наказание... Здаецца мені, що хотели вы утаиты, яка вона ваша корова... И открыв господь людям вашу думку... От як!

Хохол посмотрел на него и грустно покачал головой.

– Бог мою думку знае... – вздохнул он.

А рядом с этой сценой разыгрывается другая. "Жшка", размахивая руками, как поломанная мельница крыльями, бранит своего "чоловіка". Он сидит на земле, упираясь в нее руками, и блаженно улыбается. Нос у него красный, сияющий, шапка на затылке, ворот рубахи развязался, и солнце бьет ему прямо в грудь и лицо.

– Голодранец ты! Хиба ж морді твоїй не стыдно? Э-э, шибеник! Визьму кнут, та як учну стегать...

– Оле-ена! Утыхо-о-омырся-а! – тянет "чоловік", подмигивая жінке. Слухай... Я и тобі пивкварты купив.

– О-о! – стонет жшка. – Бесстыжи очи!

Наклонясь к мужу, она с великим трудом приподнимает его с земли и старается засунуть это расслабленное хмелем тело под воз. "Чоловік" стучается головой о колесо и предупреждает жену:

– У кармані штанів скляница... то як бы и... и вона не побилась... э?

Через минуту они оба дружелюбно распивают "пивкварты", и добрая, хотя строгая, супруга уже обложила своего благоверного сеном и одеждой так, что он мог свалиться в любую сторону без риска удариться своей головой о колесо.

Молоденький еврей с ящиком на груди ходит и кричит:

– Роменский табак! Панский табак! Крепчайший табак! Чёрт курил – дымом жінку уморил.

– От це добрый табачино, коли з его жінки мрут! – замечает какой-то Солопий Черевик.

В центре ярмарки два длинных ряда палаток образуют широкую улицу, сплошь набитую народом. Под одним из полотняных навесов приютился еврей с рулеткой. Его окружает плотная толпа преимущественно молодежи, и из нее то и дело раздаются то угрюмые, то возбужденные голоса:

– Красна! Черна! Чет!

В стороне бледный и встревоженный парубок уговаривает другого:

Ярмарка в Голтве. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Онисиме! дай же мені карбованец! Бо я, ма-буть, и ворочу мои гроши... О, не грать бы мені в ту бісову штуку... Вертяться, вертяться - та и выверне твои карманці..

Остробородый ярославец торгует гребешками, ножичками, книжками, мылом...

- Паж-жалуйте-с! Заграничные товары! Столичные книги! Благовонные мыла! Небесные духи! Молодой юноша! - позвольте вам предложить книжечку для приятного чтения-с? Не угодно ли подробно рассмотреть, очень занимательная история - смерть господина Ивана Ильича, сочинение графа Толстого. При сем же веселая комедия - "Плоды просвещения". Очень тонко осмеяны господа столичные и русские мужики. Продаю за двадцать копеек-с! Графское сочинение - за двугривенный, дешевле никто не продаст! А вот еще не пожелаете ли "Князь Серебряный"? Про царя Ивана Грозного... по случаю того, как эта книжечка уже читана,- за тридцать пять копеек отдам! Стихи поэта Пушкина-с - по пятаку и по три копейки книжка... Прекрасные стихи самого веселого содержания... "Андрей Бесстрашный, русская повесть"... цена три копейки. "Япанча, татарский наездник, взятие города Казани". О разведении кур - не желаете ли просветиться? Пять копеек цена... Машинка для усов - извольте-с! "Житие иже во святых отца нашего"... Красавица! Купите зеркальце? Душистое мыло есть... Чего-с? За Ивана Ильича гривенник? Напечатано на книжке двадцать. За гривенник могу продать вот-с "Еврейские рассказы"... Тетка! Ты так гребень ломаешь... Почтенный! купите бритву? "Загробная жизнь, или О том, что ждет душу нашу по смерти"... Весьма полезно знать - цена полтина! Не желаете? "Болезни домашних животных" - полюбопытствуйте! "Веретагианская кухня"... А то вот часики продаю: серебро - как золото, ход самый правильный, цена дешевая... Почтеннейший - мыльца для дочки не желаете ли приобрести?.. Последнее слово, милый: за Ивана Ильича - восемнадцать копеек...

Ни одной секунды не молчит этот сухой и поджарый ярославец, продающий сразу двум десяткам покупателей. Его звонкий голос издалека влечет к нему народ, и около его лавочки тесная толпа. Одни покупают, другие просто смотрят на продавца и слушают его бойкую, рассыпчатую речь. Здоровенный усатый хохол долго таращил на ярославца большие выпуклые глаза и вдруг расхохотался.

- Чого вы, пане, регочете? - спросил его сосед.

- Та ось він, цей москаль, нехай ему, б!сову сыну, гадюка у глотку влізе... Він зовсім як та молотилка роботає. Доброму чоловіку у місяць стильки не сказа-ти, як він у час каже...

А у возов с глиняной посудой из Опшны,- посудой, замечательной по рисункам, но грубоватой по исполнению,- торгуют хохлы. Здесь не торопятся. Вот какая-то разомлевшая от жары женщина с зонтиком в руках подходит, берет макитру - подобие великорусской корчаги - и, рассмотрев ее, спрашивает:

- Сколько грошей?

- За що? - осведомляется продавец, возлежащий под возом на брюхе.

- А за макитру...

- Тридцать пять копійек...

- О, лишечко! та то дуже дорого!

- Хиба ж?

- А звисно! Вон она неровна та корява...

- А що ж вы, пани, с цей макитры стрелять хоче-ге чи що? Зачим ей буты ровной? Не ружье вона, а макитра.

- Та воно вірно... Ще и не гладка вона та и тускла яка-то...

- Так же то зеркало гладко та блестяще, зеркало, а не макитра...

- Вона и дребезжит...

- О? То значит ся - в ней дирка е.

- То-то е дирка...

- Так вже світ устроєн, пани, что у ним усе диря-во... Вон и у вас, пани, хусточка з диркой...

Пани краснеет и оправляет платок на груди...

- А вы, пани, подивітеся, може и знайдете крепку макитру.

Пани смотрит макитры, а продавец, неподвижно лежа под возом, смотрит на нее...

- Будьте милостивы, скажите мені - от така хороша? - показывает пани выбранную посудину.

- Це? Зс всих наилучша...

Начинают торговаться. Это длится долго, часто прерываясь паузами, во время которых женщина выдумывает всё новые и новые недостатки макитры, а торговец наслаждается покоем в тени воза. Бойчее торгуют "жінки". Они продают какое-то розовое питье, вишни и тарань. Этой рыбы целые вороха лежат на земле, и, так как ее здесь очень любят, она покупается хорошо. Звонкие голоса женщин так и режут уши.

- Рыба черноморска, керченска, вкусна та солена!

- А вот ще наилучша рыба!

Вечереет. Солнце уже низко над лугами, и пыль, тучей стоящая над ярмаркой, кажется розовой в лучах заката. Гонят скотину на Псел, раздаётся мычание, суровые окрики, кое-где налаживаются песни. Веселые звуки сопилки несутся со стороны погоста. Там, у земляного вала, ограждающего ниву опочивших, собралась толпа хлопцев и, не обращая никакого внимания на "дідові могили", собираются "танцювати" в виду их.

Тополя на погосте тихо качают вершинами, точно протестуя против нарушения мира и тишины в месте упокоения.

А тепери я велька,

Треб-ба мені чоловіка...

- распевает двое пьяных, идя к погосту. Они толкают друг друга плечами и качаются на ногах, как надломленные. У обоих блаженные красные лица, оба они охрипли от усилий петь согласно: один сдвинул шапку на ухо, а другой держит ее в руке и дирижирует ею, не замечая, что из нее вылезли и болтаются в воздухе какие-то тряпки и куски пеньки. От погоста навстречу им несется дробный топот ног, с жаром выбивающих гопака, и задорные звуки сопилки.

Тени от возов становятся всё длиннее. Жара спадает. С лугов тянет запахом свежескошенного сена. Солнце село, и на небе задумчиво замерли легкие облака, еще розовые от заката. Шум понемногу стихает; люди, изморенные хлопотами и зноем дня, укладываются спать на воздухе и под возами. Тяжело дышат волю, пережевывая сено; фыркают лошади.

Теперь уже все звуки разрознены и ясно слышны, они не сливаются в тот гул, что оглушал и опьянял в течение дня. Вот раздаётся торжественная музыка. Около слепого, играющего на фисгармонике, толпа молчаливых людей стоит без шапок и благоговейно слушает музыку.

- Господа сим восхва-а-лим и возблагодарим творца на-а-шего,- поет слепой, аккомпанируя себе на звучном инструменте. Густые и успокаивающие ноты печально вьются в воздухе над головами молитвенно настроенных людей, покрытых потом и пылью. Иные шепчут что-то - видно, как шевелятся их губы, иные вздыхают... Большинство немо, неподвижно и глубоко серьезно.

Ярмарка в Голтве. Максим Горький gorkiymaxim.ru

А со стороны погоста несется удалая песня, исполняемая могучим хором молодых голосов: "Гей-гей!" - гремит припев.

Слышно, что эта песня складывалась в широкой степи, верхом на конях, во время похода, старыми свободолюбивыми "лыцарями", проливавшими свою бурную и горячую кровь "за віру христьянську та вольності козачи"...

- Пойте славу бога нашег-о-о... яко он творец мира и прибежище челове-е-ков, в нем же обрящем упокоение...- поет и играет слепой.

Ночь идет.

Кое-где уже вспыхнули огоньки костров, и вокруг них видны фигуры людей, красноватые в блеске огня. Приятной свежестью веет с лугов, где Псел, темный, красивый и быстрый, стремительно спешит к Днепру и с ним - в море. Вспыхивают звезды...

Ночь идет.

первая половина июля 1897 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!